

Сергей Абрамов

Мгновение
красоты





Сергей Абрамов

Мгновение красоты

Сборник
стихотворений

Шадринск
2012

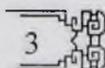
ББК 84Р7-5

А16

Абрамов С. В. Мгновение красоты. Сборник стихотворений. – Шадринск: Изд-во ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2012. – 168 с.

Автор сердечно благодарит Бабич Владимира Михайловича и всю профсоюзную организацию ООО «Сургут Газпром Переработка» за доброту, за оказанную материальную помощь в издании этой книги.

Новый сборник стихотворений Сергея Абрамова полон настроениями, рожденными на малой деревенской родине, любви к ее русской спокойной красоте, а так же болью за ушедшее. Стихи поэта рождают ответные добрые чувства, веру в Вечное, светлое.



* * *

Буду молча бродить я порою осенней
По окольной дороге, вдыхая покой...
Время властно торопит в прохладные сени,
В безвозвратность торопит, стоит над душой.

И саднят по ночам стародавние раны,
Точит боль под ребром – ни трудов, ни молитв.
Мне не надо судьбы ни богатой, ни пьяной,
Мне хоть пару бы чистых и радостных рифм.

Мне хоть пару бы строчек от ясного неба
С ароматом краюхи из русской печи.
И святые слова о земле и о хлебе
Записать на былинной странице Руси.

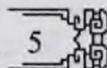
ВРЕМЯ

Вот лужа посреди дороги
И в палисаднике – сирень.
Вот дядя Митя одноногий
На берегу сидит весь день.

Он рад гудящему буксиру.
Как будто из былой дали
Ему по водному пунктиру
Вторую ногу привезли.

А деревенские ребята –
Они счастливей городских, –
Плывут на лодке к перекату
Язей да шук ловить больших.

Коровы дремлют под горою,
Пастух в тени дымит махрой.
Эх, время, время золотое, –
Печаль поэзии живой.



МАЛЬЧИШЕСКОЕ СЧАСТЬЕ

Снова снятся водные излучи,
Шум листвы над тихою рекой.
Вижу, как летят к озерам утки
И туман дымится над курьей*.

Небо там яснее и глазастей,
А духмяный воздух веселей.
Там мое мальчишеское счастье
В лодке ждет меня у камышей.

И глухарь с надменными бровями
Сторожит мой ивовый шалаш...
Край, благословленный небесами, —
Не разлюбишь ведь и не предашь.

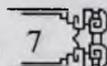
Я навеки память там оставил,
В ивовом задумчивом краю,
Где глухарь, токуя, не лукавил.
Не лукавя, я о нем пою.

*Курья – (сиб.) старица, старое русло, заметанное с концов.

БЕРЕЗОВАЯ ПАМЯТЬ

За деревней в лесу я нашел ту березу,
Что ножом перочинным когда-то строгал.
Имя первой любви да еще, плюс Сережа,
Я, пыхтя и краснея, на ней вырезал.

Много весен прошло с той поры кудреватой.
Много вод утекло, превращаясь в года.
На шершавой коре вижу срез сероватый.
Сохранился лишь плюс. Может быть, навсегда.



* * *

Увозит поезд от огней вокзальных,
От мелочных забот и суеты.
Прощаясь, долго птицы мне кричали
Сквозь шум и гам дорожной маеты.

С гостинцами в деревню еду к маме,
Смахнуть ее слезинку на щеке,
Окинуть взором речку за домами
Да посидеть за печкой, в закутке.

Послушать – как старушка, помолившись
На сон, вздохнет пред Образом Христа...
И в детских вновь мечтаниях забывшись,
В ночи искать созвездие Креста.

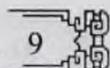
КРАЙ ЗЕМЛИ

Вечер прохладой манит.
Меркнет залив реки.
Лес за рекой в тумане,
Словно в объятьях тоски.

Хочется тихо-тихо
Песню свою запеть,
Чтоб не сманило лихо
В темную круговерть.

Чтобы всю ночь по глади
Месяц ладьею плыл...
Песню давно я сладил,
Долго в душе носил...

Встал на краю обрыва,
Как на краю земли...
Серый туман да ивы,
Да бакена свет вдали.



* * *

Встрепенули тишину озерную
Селезни под вечер, в полутьме.
Их не веселят напевы вздорные,
Что от юных лет достались мне.

А ведь было, пели под гармонику –
«Располна... коробочка... моя...»
И летела песня по просёлочку
Через все деревни и поля.

Посижу, крякушечек послушаю.
Положу ружьишко возле ног.
На вечерней зорьке песню лучшую
Так хотел припомнить и не смог.

* * *

Осень... осень. Дождливая звонница
Присмирит говорливую ширь.
Синевой, тишиною наполнится
Небесами оплаканный мир.

Поздних трав чуть приметно дыхание.
Их укутает снежная шаль.
Пробуждаясь среди увядания,
О зиме умаляют печаль.

Ждать недолго, уж скоро завьюжится,
Но пока золотится листва.
Лист опавший над озером кружится,
Заплетая свои кружева.

Тишина никуда не торопится,
Посидит у воды под сосной.
Осень... осень. Звони, моя звонница,
Ко Творцу благодати земной.



* * *

Ветер высушил стебли осоки
По низинам на мокрых лугах.
Обмелели озера, протоки,
Обнажили свои берега.

День ушел на ночное моление.
По над лугом луна поднялась,
Чуть похожая на привиденье.
День ушел. Тихо ночь занялась.

От озер потянуло прохладой,
Освежилась отава росой.
Звезд безмолвие... Что еще надо
Деревенской душе – под луной...

ЮНОСТЬ

На берегу большой реки
Ютились баньки да амбары.
По глади плыли рыбаки
На просмоленной лодке старой.

Пел соловей, о небе пел...
Теленок слушал у повети.
Буксир приветливо гудел
И гнал волну в закатном свете.

Тугие струйки молока,
Вздыхая, падали в подойник.
На крышах изб алел закат.
... Хвалило радио достойных.

Тут жизнь моя, здесь мой удел,
Мои живительные соки.
... А я куда-то вдаль глядел,
Еще не выучив уроки.



АВТОГРАФ

Род идет мой от тех, раскулаченных,
Русских, крепких в корню мужиков.
Значит что-то и мне предназначено
Кроме дедовских ржавых оков.
Значит что-то и мне предначертано
На моей, на крестьянской крови...
Знаю – слезы деревни истерзанной,
Пядь земли, да душа для любви!

* * *

Мне дудочки шутов не по нутру,
Хотя похожи с виду на свирели.
Моей душе они не ко двору.
Они всегда визжали, но не пели.

Березовые рощи мне родней
И гомон птиц, и трав густых шуршанье.
Я от земли, и на земле своей
Все мило – и расцвет, и увяданье.



* * *

До сих пор я забыть не могу
Небогатые избы да поле,
Березняк на крутом берегу,
Молотилку на старом току,
Где зерно вместе с потом мололи...

И мололи б до нынешних дней,
То с напевами, то со слезами...
Не могу я понять, хоть убей,
Почему нет деревни моей?! –
Под обрыв всё сгребли тракторами.

Вот забрел в староверческий скит,
Что ютился за речкой Калымкой.
Сруб один, еще целый, стоит,
Но давно здесь не слышно молитв.
Сладко пахнет везде земляникой.

Все покорностью дышит, молчит:
Куст рябины, молоденький ельник...
Где-то дятел уставший стучит,
Как по четкам молитвы строчит,
Он единственный здесь богомольник.

Где вы, люди?! Но что тут кричать,
Все равно ведь никто не услышит.
Лишь у дятла есть силы стучать
В те ворота, которые Свыше.

НАХОДКА

В землю вросшем амбаре лопату ищу.
Натыкаюсь на нужные некогда вещи
В деревенском быту. И, жалея, грущу,
Что без дела лежат пилы, кадочка, клещи...

Вот и кросна* висят на каленом шпиле, —
Это бабка моя все ткала вечерами
Половицы, рогожи... не знаю сколь лет
(От крестьянской нужды) в перегляд с образами.

О нелегкой её я подумал судьбе, —
Сколько крови и слез, сколько пролито пота!..
Вдруг представил, что тку половицы в избе,
Будто бабкину я продолжаю работу.

... В нашем старом амбаре стою и молчу.
Ясно вижу себя восприемником рода.
Сбросить лямку крестьянскую я не хочу.
А в амбар-то зашел по пути с огорода.

*Кросна – ткацкий станок.



* * *

Мне вернуться б в детскую страну,
Убежать в леса и перелески,
Пятаки надраить, как луну,
Да соседским девкам на подвески.

Вновь крестить тайком и лоб, и грудь,
Чтоб Господь помог исправить двойки.
Без тоски на сене прикорнуть
И не знать итогов «перестройки».

ДОРОГА

Едет парень деревенский –
Городов он не видал, –
Он с простой улыбкой детской
Крутит верткую педаль.
А точнее, – две педали
Ноги крутят не спеша.
А вокруг такие дали,
Что ликует вся душа.
Он кивает всем знакомым,
Воробьям и тополям,
И бревенчатому дому,
Будто это Божий Храм.
Я кивнул ему, как брату.
Я ведь знал его всегда.
Сам подумал: «Конопатый,
Ты не ездил в города».



ДЕРЕВЕНСКОЕ

Живу в деревне. Ну, а где еще?..
Тут ни одной рекламы... мило, любо.
И в Церкви здесь звонят так хорошо,
Что стыдно и глядеть на окна клуба.

Какой народ? – Да Бог его поймет.
Живут – кто как умеет, как придется.
Рубаху на груди народ не рвет, –
Она ему не дешево дается.

До города не так уж далеко, –
Прямой дорогой верст, пожалуй, тридцать.
До берегов Оби – подать рукой...
И нет границ. Зачем тайге границы.

За Обью, там... китайцы шишку бьют;
В Китай бруснику, клюкву всю увозят...
А здесь пока так тихо, что поют
Синицы нам про пушкинскую осень.

Рыбак к протоке с удочкой прошел,
Забор церковный солнышко ласкает...
Звонят-то здесь душевно, хорошо,
И даже пес бродячий подвывает.

* * *

Сосны за окном в лучах заката
Словно в золотистой кисее.
Это ж надо, сколько много злата
Дарует им солнце по весне.

Чудно как!.. Глядеть – не наглядеться.
Душу умиляет красота.
Пусть закат недолго золотится,
Пусть его покроет темнота;

Пусть в глазах не райское виденье,
Не эдем мне виден за окном,
Но родное слово – вдохновенье –
Небо пишет золотым пером.



ТИХИЙ СВЕТ В СКИТУ ВЕТРОВО

Тучи расступились понемногу,
Пропуская солнышко вперед,
Все-таки оно поближе к Богу,
Пусть расскажет, как земля живет.

Что в грибных лесах щебечут птицы,
Радуюсь прохладе родников.
Над горами воздух серебрится.
Тихий плеск воды у берегов.

А стада оленей горделивых
Смотрятся в зеркальность горных вод.
И о тучках скажет сизокрылых,
И о том, что осень настает.

Вышней синевой душа пленится
Посреди причудливых красот...
Тихий свет над водами струится...
Человек о вечности поет.

Песня незатейлива, простая,
Теплится в лампадке огонек –
«Господи, с Тобой не надо рая...».
Над скитом воркует голубок.

* * *

Клокочут реки на стремнинах,
Одолевая тесноту,
Иль на ухоженных равнинах
В туманах прячут наготу.

Вот за церквушкой вьется речка.
Деревья с яра смотрят вниз
И машут мне – давай, сердечный,
В небесном блике окунись.



* * *

Здесь, где заря над тайгою встает,
Есть куликовое царство.
Ходит кулик по болоту, поет,
Хвалит свое государство.

Вроде, какая уж тут красота –
Кочки, осока, трясина...
Только поет наш кулик неспроста,
Видно, на то есть причина.

Можно, конечно, его обвинить
В глупости птичьей природы.
Только его не заставишь хвалить
Кочки чужого болота.

* * *

Эх, Серега, сколько же их было
Разных хлябей на твоём пути?
А душа, как волк, ночами выла,
Чтоб ее хоть кто-нибудь простил?..

Не суди теперь былое время, –
Календарь ни в чем не виноват.
Ты неси, Серега, это бремя,
Бремя невосполненных утрат.

И не вой по-волчьи то, – не надо,
Чтоб луна смеялась над тобой.
Выходи с гармошкой за ограду,
О душе на всю деревню спой!



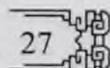
* * *

Соловьи распелись, стыдно слушать.
Им-то что – весна, и весь ответ.
И зачем они терзают душу
Мужику совсем не юных лет.

И зовут как будто бы в дорогу...
И свистят на разные лады.
Соловьи-разбойники, ей-богу.
Им седой не жалко бороды.

* * *

На заросшей травой полоске
Разветвилась большая сосна.
Вид красивый у ней, но неброский,
То и есть, что далёко видна.
Посредине широкого поля,
Где и каждый клочок на счету,
Чья-то добрая, чистая воля
Сохранила сию красоту.
Русский пахарь, сермяга воспетый,
У него и соха – для души...
Дай нам, Господи, многая лета,
С днем последним погоду, не спеши.



* * *

Придет весна. Живительная сила
В ветвях застывших соки воскресит.
Снега растают на полях России.
Слезой пахарь землю окропит.
И сотни птиц своим многоголосьем
Утешат душу трудника полей.
И, пролетая клином над полоской,
Его окликнет стая журавлей.
О, русский пахарь! Преклони колена,
К земле благословленной припади.
Будь, как и встарь, великий и смиренный,
Не уходи с земли, не уходи.

* * *

В лесу ночном и зябко и морозно.
Среди ветвей застывшая луна.
Искрятся, как снежинки, в небе звезды,
Сверкнув, – в тайгу упала вдруг одна...

Свет фонаря дрожит на колокольне.
Колоколам молчать лишь до утра.
Их звон разнес далеко ветер вольный –
В болота, в дебри с песней глухаря.

Звериною тропой иду к протоке,
Подальше от заезжих рыбаков.
Зачем им знать – как ночь диктует строки...
Пусть до утра болтают про улов.

* * *

Как много миль осталось за кормой,
И виден берег в мареве заката.
Надсадно весла борются с волной,
Все кажется, что я плыву обратно.

Но лишь вперед. Назад не повернешь, —
Не хватит сил бороться со стихией.
Да и навряд ли радость обретешь,
Убив в себе желания благие.

А берег близко. Виден отчий дом,
Где свет и радость для души усталой,
Где встретят по-родному, так тепло,
Что позабудешь, как тоска терзала.

* * *

Тревожит разум неба глубина.
Средь звезд луна, как всей ночи царица,
То весела, то чуточку бледна, –
Ей, как поэту, по ночам не спится.

Приблизиться и телом и душой
К иным мирам – безумное желанье.
Прижмусь к березке с детства мне родной,
Застенчивой частице мирозданья.



* * *

Долго сажу у подножия кедр.
Чай остывает быстрее, чем допьешь.
Ягоды в пайве*. Тайга дарит щедро,
Если с поклонами к ней припадешь.

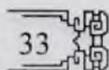
Белка спешит до заката в кедровник.
Мне ж неохота в квартиру спешить.
В этом безмолвьи построить бы домик, –
Возле березки, где речка бежит.

В речке уснули еловые тени.
Белых грибов, – хоть косою коси.
... Надо идти. Приближается темень.
Речек еловых полно на Руси.

*Пайва – (от сл. пай, пайка) легкий наплечный кузовок из бересты или жести с широкими лямками.

О МУДРОСТИ

Вдоль оврага жмутся тальники.
Паводок с полей лениво сходит.
В талой почве вязнут сапоги...
След колес – пешком никто не ходит.
Медленно иду по колее
И люблюсь рощей за полями...
Вдруг озноб! Мурашки по спине:
Черная змея меж колеями...
Шаг всего – достану сапогом,
Но не шелохнусь, змея шустрее.
Умный взгляд... Я тоже ведь с умом.
Кто из нас разумней и мудрее!?
Головой качнула и – в поток
Проскользнула, вглубь ушла гадюка.
Да еще поднялся за кустом
Черный ворон – полетел без звука...



Почти как сказочный дурак
Стараюсь жить поближе к печке.
Она, родная, как-никак
Не только кости, – душу лечит.

Во всем величии веков
Она, как вера, – неизменна.
Мне без нее и без стихов
Тоскливо будет несомненно.

* * *

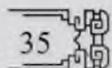
Далеко где-то пляшут шаманы.
Зыбь болотную хвалит кулик.
Зацветает багульник, дурманит.
Под горою скучает родник.

Нет, не случай – я в это не верю, –
Заманил мою душу в тайгу,
В эти вечно зеленые дебри...
Объяснить это я не смогу.

Похвалиться особо-то нечем –
Здесь намоленных нету святынь.
Но острее, до боли сердечной,
Вспоминаю, как пахнет полынь.

С тихой грустью всегда вспоминаю
Ту избу, где родился и рос,
И леса, и покосы без края...
Белизну деревенских берез.

Деревянные избы деревни,
Как основа Великой Руси,
Жили хлебом и солью, и древним,
Русским: «Отче наш, иже еси...»



О ПРЕДАННОСТИ

Вот опять приветствую деревню,
Лес, реку, знакомые поля,
Быт крестьянский, что давал издревле
Силы для нелегкого житья.

Тетка мой на прибранной ограде
Мастерит для рыбы кузовок.
Иногда ругнется, если надо
Закрепить покрепче хомуток.

Отложил, приветствуя, работу
И... «айда в избу, попьем чайку»,
А изба-то срублена добротной,
Есть чем похвалиться земляку.

Хорошо чаевничать подолгу,
Если есть о чем поговорить.
Сколько ж лет прошло... событий столько,
Что не хватит сил про все забыть.

Не увлек его богатый север,
Не сманило в городе житье...
Он прирос к земле душою всею,
Любит он родимую ее

Той святой есенинской любовью,
Что дана простому мужику.
Он себя к земле трудом и болью
Пристегнул, как лямку к кузовку.

ВСТРЕЧА В ДЕРЕВНЕ

Пьяная баба бежит по траве,
Силой незримой гонима.
– Батюшка, батюшка, благослови... –
Руки в поклоне скрестила.

Что за причуды и что за напасть –
Кланяться мне не по чину?..
Площадь, где шел я, церковной звалась...
Нынче пасется скотина.

Долго я думал, усы теребил,
Сидя в избе с образами.
Бабу по-русски жалел и любил,
Русскими плакал слезами.

* * *

Поет, кричит, дурит толпа...
Век очумелый – двадцать первый.
Шатнулась русская изба...
И от шатанья слабнут нервы.

От ловкачей и палачей
Подай нам, Боже, избавленье.
Мужик был русский – стал ничей.
То хуже всякого гоненья.

А кровь и пот лихих годин
Не послужили к вразумленью.
И где наш пахарь-крестьянин?!..
Спасут ли евронаважденья?..

Еврей, он помнит, что еврей.
Француз поет свои куплеты...
На русской родине моей
Неужто все «страданья» спеты?!

* * *

Где вы, лебедушки наши,
С русой тугою косой,
Те, что милее и краше
Даже зари золотой.

В синих платочках знакомых
Пели «страданья» свои...
Нету голубушек скромных,
Вымерли, что ли, они?..

Что это? – Века изъяны,
Или изъяны в умах?..
Русские где сарафаны?..
Бабы в мужицких штанах....



НОЧНАЯ ВСТРЕЧА

Постучал кто-то ночью в окошко
– Слышь, Серега, открой, это я!..
Боже мой! Вот те стежки-дорожки...
Обнялись у калитки друзья.

Я не знал, что сказать, чем приветить.
Он же сразу – душа, мол, болит,
Хоть не беден, и выросли дети,
И без дела никто не сидит...

Он с вопросом ко мне среди ночи:
– В коммунистах ходил, как мне быть?
В Бога верю не так, чтобы очень...
Можно ль душу-то мне покрестить?

Я не думал, что это услышу,
Он не ждал, что я стану молчать.
Уж светлеть начинало над крышей...
– Ты не мешкай, крестись, нечо ждать.

Ночь сомлела в раю соловьином,
Звезды гасли одна за другой.
Под-над крышей, над старым овином
Зачинался рассвет золотой.

* * *

Я бродил по отмели песчаной,
Где ночуют барки рыбарей;
От рассвета прячутся туманы,
А вода в пуху от тополей.

Волнами накатывались мысли,
Мысли, не доросшие до слов.
Я бродил и радовался жизни,
Чуя в сердце первую любовь.

Это было, было все когда-то...
И куда все делось, не пойму.
Тополиный пух считает даты,
Падая на водную кайму.



ДУША

Твоя душа хранит молчанье,
Строга, молитвенно бледна.
Ты позабыла губ касанье,
И привкус страстного вина.

Бывает, правда, что тревожат
Тебя нечаянные сны
И на своем смиренном ложе
Ты чуешь запахи весны...

Но те минутные порывы
Ты научилась побеждать.
И затухает свет игривый,
И к образам пора вставать.

И знает Бог, Он точно знает,
Каких достигнешь ты высот
В своих делах, достойных рая...
Меня же там никто не ждет.

* * *

Не опечалю я твою судьбу.
И снов твоих невинных не нарушу.
Упрямых губ горячую мольбу
Мой поцелуй в час поздний не затушит.

Я ангелом тебя не называл
(Не видел их я в мире неслучайном),
А лишь в мечтаньях нежно целовал...
Но уплывал куда-то звон венчальный.

Да будет так. И тайна глаз твоих,
Как тайна неба вдалеке мерцает,
Мой освещая дом и этот стих.
...Такое в жизни иногда бывает.

В.Г.

Я дотронусь твоей руки,
Чуть к душе прикасаясь тоже.
Мы уйдем с тобой в васильки,
Что на платье твоё похожи.

Нас никто не найдёт в лугах,
Нашу тайну спрячут травы.
Будет небо в твоих глазах...
А в моих – нежный цвет купавы.

ЛЮБИМОЙ ЖЕНЩИНЕ

Ты позвала, и я приехал
В твой город, пахнувший листвою.
Чтоб в сердце откликалось эхо
Любви прекрасной, молодой.

Нам клены золото дарили,
Туман проспекты серебрил.
Душа с душою вместе были...
О, счастье! – как твой образ мил.



* * *

Все дальше и дальше на север
Увозят меня поезда.
Согретый любовью твоею,
В студеные еду места.

То видятся тени ночные,
То всплески вокзальных огней,
То – будто столбы верстовые, –
Деревья мелькают в окне.

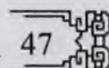
В холодные звезды не веря,
Но помня прощальный твой взгляд,
Я мчался на север скорее,
Единую мысль в себе грея, –
Намерзшись, вернуться назад.

ЭТЮД

Снежок ложится елочкам в подолы,
Ложится на заброшенную гать...
С Покрова дня до вешнего Николы
О лете и не стоит вспоминать.

С Покрова дня опять в подлунном мире
Природы тайны спрячутся в снегу;
И куропаток летние квартиры,
И соснячок на дальнем берегу.

Вот стрежень речки с темной полыньей
То забурлит, то стихнет до поры.
И вновь покой. О, сколько здесь покоя!
В урочищах таинственной Югры.



В ЛЕСУ ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Снова хмарь на душе, как в прокуренной хате,
И не радуется неба таинственный зов.
Где-то близко в тайге слышу грома раскаты.
Или это беседы таежных богов?..
Кружит леший меня, тянет в дебри, в урманы,
Сосны, кедры вокруг; ни домов, ни крестов.
И, сминая багульник, иду, словно пьяный
Мимо тихо журчащих земных родников.
Нет пристанища мне в хмурых горях, болотах;
Нет утешения душе, лишь усталость томит.
За протокой, в лесу зааукал вдруг кто-то –
Может он, как и я, был друзьями забыт.
Не бегу от грозы, да и негде укрыться.
Пусть промокну насквозь, победивши себя.
Может встреча с грозой в радость мне обратится
И пойду всех и вся, просто свято любя.

РОДНЫЕ ЗАДВОРКИ

Наблудился средь елок и сосен,
Нет, чтоб сразу идти напрямик.
Притомился, но сидор не бросил;
Донесу ведь, он все ж невелик.

Ах, прилечь бы, да скинувши бродни,
Отлежаться часочек-другой,
Но паут* так лютует сегодня,
Что забыл я про «мирный покой».

Вот ручей перешел, дальше – гривка.
Здесь осталось всего ничего,
Но опять занесла «бурка-сивка», –
Где ж ты, где ж ты, родное село.

Там, наверно, коров подоили...
Тихий день снарядился ко сну.
Ну, потопали, дальше «поплыли»...
Где еще бы водички глотнуть.

Наконец-то! Дома на пригорке,
Над рекою белеет туман.
Палисад и родные задворки,
И скворец, словно вещей Боян.

* Паут – овод.



О ЖИЗНИ

Мужики да бабы
Снятся по ночам,
Сельские усадьбы,
Деревянный Храм.
И к чему – не знаю, –
Вижу эти сны...
То ли жизнь такая, –
Нет в душе весны;
То ли снова шибко
Я затосковал
По избе, где в зыбке
Жить я начинал;
По покосам росным
И Тавде-реке...
Там уж нынче осень
В золотом платке.
Тихие усадьбы
Допоздна не спят.
Мужики да бабы
В небеса глядят.

* * *

Ты уйди, назойливая память,
Мне в медовой юности не жить,
К берегам забытым не причалить,
Как тогда мне больше не любить.

Ты уйди, прекрасная отрава,
Понапрасну душу не томи –
В васильковом платъице Купала*,
Не зови в объятия свои.

Не зови июньскими ночами
На веселый сельский перепляс...
Там теперь другое вьется знамя,
Там другая память зачалась.

*Купала – богиня у древних славян, дарительница цветов.



РЕТРО

Здесь, в деревне, как на небе,
Как в обители святой.
И не надо думать, – где бы
Насладиться тишиной.

Занавески на окошках,
Приукрашенных резьбой;
Пахнет жареной картошкой...
Тут вся Русь перед тобой.

Все дороги в стиле ретро, –
В грязной луже дремлет хряк...
Жизнь проходит незаметно.
Даже нет мужицких драк.

Люди тут почти, как боги, –
Их ничем не испугать.
В стиле ретро здесь дороги.
...Больше нечего сказать.

* * *

Я с мужиками ел и пил
На берегу реки студеной.
(Господь мне после все простил,
И то, что пел я ночью темной).

А старый тополь на яру –
Мой молчаливый обвинитель –
Стоит все так же на ветру,
Седой деревни долгожитель.

Он помнит птичьи голоса
И все мужицкие причуды,
Но не умеет рассказать,
А я рассказывать не буду.



ПАСХА В ДЕРЕВНЕ

Звякнула калитка:
– Добрый вечер!
– А, сосед! Здорово, заходи.
Рад я был нежданной этой встрече;
Пасху дома праздновал один.

Крашенные яйца из пакета
И кулич на стол... заварен чай.
Он: Христос Воскресе! Я ответил,
Как и надо в праздник отвечать.

Рад живой душе, живому слову.
Говорил он просто, не мудрил.
Он был исповеданья иного...
А про Пасху все же не забыл.

ПРОВИДЕНИЕ

Не достроил еще я избу,
А доска на крылечке подгнила.
Не изведал в избытке судьбу,
А она мне грозитя могилой.
Не припомню, в какой уже раз
Слышу это судьбы откровенье.
Вижу в зеркале трезвый анфас, —
Надо жить, если есть отраженье.



ОБЛАКА

Жалею? – пожалуй, что да,
Что многого в жизни не видел.
Что пусть ненароком когда
Я словом кого-то обидел.

Я в странах чужих не бывал, –
Об этом и думать не надо.
Жалею, что хлеб не подал
Бомжу у церковной ограды.

О, Боже! Как жизнь коротка!
Ведь я ничего не успею...
Над домом плывут облака,
Плывут, ни о чем не жалея.

ОКНО

Черный кофе себе разогрею
На чугунной и жаркой плите.
Никаких вещей дум не имею,
Кофе пью, да скребу в бороде.

По душе мне жилище простое.
Тихо, скромно живу на земле,
Хоть и нет здесь благого покоя,
Но и грохота нет на селе.

Вот и небо – седое, как старец,
На избу вечным оком глядит,
И оконный застенчивый глянец
Первый лучик слегка золотит.

Сколько их, тихих окон России,
Незаметных для взоров людских,
Приоткрытых для утренней сини?!..
А мое – лишь одно среди них...



* * *

Я отцовскую лодку с подгнившим бортом
Все смолил каждый год, каждый год по весне.
Занимаясь знакомым, нехитрым трудом,
Был уверен ведь в том, что нужна она мне.

Конопатил, чинил, как и все рыбаки,
Замечая отцовскую хватку в руке.
Я родился и вырос у этой реки
И не мыслил себя от неё вдалеке.

А потом, как всегда, шел с поклоном к отцу.
Крест олифой покрыть, на могилке прибрать.
Хоть и скорбь по весне, вроде как – не к лицу,
Но не мог я без скорби отца поминать.

И всплывала, давила вина перед ним,
Ах, зачем непослушным я в юности был?..
И качалась трава в такт молениям моим,
А на ветке сирени скворец голосил...

* * *

Старый ельник – лесной малахит,
Остов кузни в траве у кустов,
Берег тихой сибирской реки, –
Место сказочных утренних снов.

Вспоминаю, где были дома,
Где черемухи буйно цвели.
Жизнь была здесь. Была и ушла...
Что же тянет сюда, как магнит?..

Неужели природы краса
Отзывается болью в душе?..
Я к земле опускаю глаза, –
Отчий дом здесь стоял на меже.

Посредине суровых годин,
На распутье и дум, и тревог,
Он стоял – всей Руси гражданин,
Древний русский сермяжный чертог.

Но ушли добрых дел времена.
Обессилел под гнетом народ.
Нет деревни, нищает страна.
Вымирает крестьянский наш род.

* * *

То ли пыль в глазах, то ли свет закрыт...
Голоса вдали нехорошие.
На столбе фонарь ночью был разбит,
Глухо в пыль упал камень брошенный.
Сел уставший я, поразмыслить чтоб
В тихий летний день на завалинке.
Ни за что вчера плюнул вслед мне жлоб...
Ведь не злой он был (помню) маленьким.
Отпусти ему, Боже, этот грех.
Тут и так в селе, хоть шаром кати.
Он, наверное, из последних тех,
Кому некуда от земли уйти.
Да и надо ли? Может – год, другой...
Тут по-доброму все наладится.
А народ у нас не совсем плохой.
Хоть грешит, шельмец, но и кается.

Люблю покой старинных городов:
Где вид церквей смиренно-величавый,
И манит в Небо звон колоколов...
Где в ветхости сокрытое начало.

Хожу по тротуарам не спеша,
Любуясь красотой резных узоров.
И отдыхает русская душа
От суеты, от «умных» разговоров.



ПРОЕЗДОМ В г. ТОБОЛЬСКЕ

Желтый шар в багровом круге
Уходил за горизонт,
За бетонные лачуги,
Не достигшие высот.

Остывал асфальт. И крыши,
Претерпев нещадный зной,
Будто снова стали выше,
Вознеслись над суетой.

Город снова замер к ночи,
Посерел и постарел.
След небесных многоточий
Слабо на небе пестрел.

Попрощавшись со светилом,
Засыпал седой Иртыш.
Берега росой кропила,
Чудом выжившая тишь.

Мне в гостинице уютной
Что-то долго не спалось.
Город древний, город чудный!
Глубина счастливых слез.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Небо лазурное. Домик у речки.
Рядом растут тополя.
Рдеют рябины в тиши у крылечка,
Их разбудила заря.

За огородом колхозное поле,
Дальше мыском березняк.
Вспахана зябь и чего еще боле.
Тихо здесь... тихо-то как.

Там, за увалом, большая деревня, —
Два магазина, «Совет»...
Тут, на отшибе, притихло и время,
Будто его здесь и нет.

Старый хозяин поехал намедни
Внуков своих повидать.
В домик вернуться покуда он медлит...
Тихо-то как... Благодать.

* * *

В окруженье солнечных реалий,
Где простой зеленый колорит,
Выбираю (нет, не угадали) –
Иву, что над омутом стоит.

Хоть и достается иве кроткой
Летом от усталых косарей:
То заденут острою литовкой,
То ломают, гнут – для шалашей.

То порубят – гибкую – на вицы,
Чтобы ветром стог не унесло,
То начнут под ивой материться,
Оттого, что тучу принесло...

Все она, родная, перетерпит,
Бури и ветра переживет...
В омуте опять вот пляшут черти,
А над ивой солнышко встает!

* * *

Спросил людей, они не отвечали, —
Вокруг одни могильные кресты,
Да пирамидки серые из стали.
Все памятники здесь, как смерть просты.

Черемуха пьянила ароматом.
С креста слетел пугливый воробей.
И чувствовал себя я виноватым,
Всеми причастным на земле моей.

Свою припомнил молодость и зрелость,
И жизнь умерших тоже, как свою.
Тут многим не дожилась, не допелась...
Быть может, за кого-то допою.

За кладбищем, в деревне слышен трактор.
Буренок стадо бродит под горой.
Им не понять про «социальный фактор»...
Мне не понять, как до сих пор живой.



* * *

Вечная лира, спутница жизни,
Песни твои мне слышны.
Песни о древней и мудрой Отчизне,
Песни седой старины.

Тонкие струны ветер колышет,
Ветер казацкий, степной.
Доля мужицкая с горечью пишет
Стих неоконченный свой.

Где-то по пыльной сельской дороге
Путник усталый бредет.
Где-то в хибарке бедной, убогой
Баба кудели прядет.

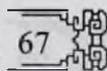
Юная песня девы-молодки
Тихо плывет над рекой.
Каторжник беглый, сбивши колодки,
Точит свой нож озорной.

В царских владеньях тихо и мирно...
Было ль такое когда?..
И замолчала грустная лира,
Знать, где-то снова беда.

Вечная лира... слышу я, слышу,
Как ты рыдаешь тайком.
Дай мне перо, что слезой твоей пишет
Слово о счастье земном.

* * *

Время не ждет. А как хочется много успеть.
Дел неотложных скопилось – не хватит и века.
Надо допеть, долюбить, дострадать, дотерпеть;
Надо свой стих дописать до утра, до рассвета.
Да надышаться до радостной боли, до слез
Запахом трав, не давя васильки и ромашки.
Снова пройти босиком по деревне, где рос,
Выйти на поле, пьянея от запаха пашни.
Время не ждет, помогает забыть, что прошло.
Видно душа не сильна понести свои раны,
Что ж я опять вспоминаю родное село;
Что же мне слышатся снова «страданья» тальянок?



СЕЛЬСКИЕ ДОРОГИ

Дорогою проселочной шагаю,
Где никого не нужно обгонять.
Попутчиков себе не выбираю, —
Их нет. Да и не время выбирать.

Деревня, кладбище, опять деревня...
Березок вдоль дороги стройный ряд,
И жаворонка жалобная песня,
И избы почерневшие стоят.

Запеть бы тут мне горестно, душевно,
Но слышит кто ль таких как я, бродяг?..
Я вижу все в юдоли сей плачевной,
Но не везде печатаю свой шаг.

ЗАКАТ

Я глядел почти до слепоты
На закат, повисший над рекою.
Я ловил мгновенье красоты, —
Красоты вселенского покоя.

Все вокруг затихло перед сном.
Тополя церковные в багрянце,
А за ними, дальше за селом,
Начинало медленно смеркаться.

Я видал селенья поживей...
Победнее видел, посытнее,
С тополями и без тополей...
Только здесь душе моей теплее.

Радует родная простота:
Дым печной и заросли крапивы,
И заката алая черта,
И акаций лиственные гривы...

И понять я даже не хочу, —
Почему гляжу я на закаты,
Почему так часто я молчу
На подгнившей лавочке у хаты.

КОСАЧИ*

Не носил я нож за голенищем;
Мой отец такому не учил.
Уходил я часто ранней тишью
За туманный рям, где косачи.

Мне года еще не серебрили
Ни виски, ни душу, ни слова.
В переулке земляки не били
И не сильно хаяла молва.

Я себя не мыслил без двустволки,
Без родных задумчивых лесов.
Без реки, что чуть поменьше Волги,
Без ее бездонных омутов.

Вот опять готов идти в дорогу,
Посидим немного, помолчим.
Кирзачи, как братья мне, ей-богу,
Пахнут дегтем... где вы, косачи.

*Косач – тетерев.

ОБСКАЯ ПЕСНЬ

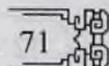
Не гляди ты на Обь свысока.
Отраженье Небес чем измеришь?
В ней купается алый закат,
Кто-то ищет удачу, а кто-то потери.

Встретит волны широкий залив,
Тихий плеск их, как плач Ярославны.
И казацкие струги вдали
Заскользят по лазеревой глади неожиданно.

Не ищи в водах времени суть.
Мы бежим от постылых мечтаний,
Чтоб душой хоть чуть-чуть отдохнуть,
Чтоб затихли все бури житейских скитаний.

У костра на крутом берегу
Снова кто-то сидит, как отшельник.
Обь его полонила судьбу,
И таежный мотив тихо слушает ельник.

Здесь и нашей судьбы пережат,
Там, вдали, где начало рассвета.
Обь-красавица так широка,
Что народная песня о ней не допета.



* * *

Тебя величали – Ярило
И кланялись, как божеству.
И пашня свой колос растила,
И руки тянулись к теплу,
И рифмы слагали поэты,
И пели заклятья жрецы,
Чтоб святость роднилась со светом,
Но – видно, ошиблись отцы.
Потомки далеко шагнули.
Все дальше идут, не догнать.
И пальцы, ликуя, согнули,
Чтоб пятна твои сосчитать.

* * *

Небо – оно для души,
Для неземных созерцаний.
Что ж ты куда-то спешишь,
Бедный слуга изваяний?..

Звездное небо в ночи –
Чутких поэтов пленитель.
Ты не кричи, помолчи,
Шумной эпохи сожитель.

Нет, невозможно, мой друг,
Мир наш без неба представить.
Выйди за суетный круг,
Чтобы небесное славить.



СЕВЕРНОЕ УТРО

Мороз обычно яростней и злей,
Когда восходит зимнее светило.
На этой снежной северной земле
Ему дана особенная сила.

Неужто не дожидаться нам весны?...
Снега, снега — безмолвны, безконечны.
Лежат они, во сны погружены,
И, кажется, безмолвье будет вечным.

А небеса над маревом тайги
Все минусы зимы не замечают.
Как, впрочем, и в вахтовке мужики,
Обильно «захмелевшие» от чая.

Рев тягачей теряется вдали, —
Газопровод там, за седым болотом.
Да пусть Господь труды благословит,
Растает снег от пролитого пота.

У ЛАЗУРНЫХ ПРИЧАЛОВ

Здесь погуще туманы,
Синь небес посвежей.
Что-то кажется странным,
Не всегда по душе.
Что-то кажется диким
С непривычки в тайге.
Можно стать тут безликим, —
Или сгинуть в пурге.
Иль, уйдя чрез завалы,
Сквозь запреты, табу,
У лазурных причалов
Тихо спеть про судьбу.
И нечаянно другу
Все открыть о себе,
Всю душевную муку
Будто сжечь на костре.
Здесь погуще туманы
И покрепче борей...
И не все так уж странно
У таежных людей.



* * *

Ветер ломает деревья,
Кровли срывает с домов.
Ропщет на Небо деревня,
Будто и нету грехов.

В самом начале июня,
Перед Петровым постом
Буря, не в шутку бушуя,
Воет, скрипит за углом.

Может быть, так нам и надо,
Может быть, беды к добру,
Может быть, «Новый порядок»
На небе не ко двору?!

ФАКЕЛ

Когда увидел в первый раз
Я факела над всей тайгою,
Подумал сразу – мощь у нас!
Страна всегда готова к бою.

Дышалось всем тогда легко
Буровикам и поварихам...
И даже хитрый рыжий кот
В общаге жил, не зная лиха.

Теперь не так я думать стал,
Как в том задорном, прошлом веке.
Я много нового узнал
О факелах и... человеке.

Нет, что вы, Боже упаси,
Худого не скажу я слова.
Но боль везде, по всей Руси, –
Сгорает мощь, Ея основа.

Сгорает русский человек
В своем терпении безмерном...
Огнем был наш прошлый век, –
Он Факел!.. В этом, двадцать первом.



ПРИДУМАННЫЙ ДЕД

– Садись, поговорим, куда спешить.
В каких делах призвание твоё?...
Мне, старому, уже недолго жить,
А ты живи, как надо, ё-моё.
Послушай старика, не прекословь.
Прожил я много, незачем мне врать:
Без веры наломаешь много дров,
Столь наломаешь, что и не собрать.
Ты слушай, да не ёрзай за столом.
Так я вот так скажу-то: для души
То любо, когда делишься добром.
...Ты это где-нибудь да запиши.
Седины чти, ты старых не умней.
Одно держи в уме-то, ё-моё,
Что сколь воды на поле ты не лей, –
Без солнышка не вырастет жнивьё.
Ну, все, ступай. Гостинец не забудь,
Да матушке-то в ножки поклонись.
И человеком, человеком будь.
Эх, ё-моё, ну что теперь за жисть...

* * *

Лампа настольная светит.
Чистый листок на столе.
Чьи-то любимые дети
Скверно кричат во дворе.

Скверно кричат и безбожно.
Кто ж всему этому рад?..
Разве такое возможно
Было полвека назад?!

Вспомнил я конюха-деда, –
Он две войны воевал,
Он не позволил бы это,
Сразу бы кнут свой достал...

Нет того деда на свете,
Даже попом не отпет...
Чьи-то любимые дети
Скверно кричат на весь свет.

* * *

Осенней порою отрадной
Пришел помолчать среди берез...
Вдруг вижу, на ветке нарядной
Ножом накарябано: «Boss».

И что-то в душе оборвалось –
Как будто и Родины нет?!..
По-русски ведь все называлось –
Леса и поля, и рассвет...

Дымок под горой среди сосен...
В разгуле шашлычный кураж.
И кто там, свои или «боссы»?..
Им этот вопрос не задашь.

Динамик в ответ загнусавил
Заморским чужим языком.
Березы по-русски молчали,
Им жаль было бедных умом.

ВЕСНА В СУРГУТЕ

Потеплело в городе под вечер:
Тает снег, звонят колокола.
Не ищу среди улиц новой встречи —
Много разных встреч зима дала.

Все понятно, все предельно ясно —
Испытаньям тоже есть предел...
Умереть бы в праздник Пасхи Красной,
Чтоб никто не плакал, не жалел.

Среди капищ из стекла, бетона
Прячу мысли в сердца глубину.
Радуюсь торжественному звону,
Я опять приветствую весну.



* * *

Мне не дано забыться в вещем сне
И воспарить душой к седьмому небу.
Я радовался много раз весне,
Из печки русской вынутому хлебу...

Я радовался клику журавлей
И Млечному Пути над крутояром...
Мне шум ручья роднее был, живей,
Чем голоса на тряпочных базарах.

Но надо ли трезвонить обо всем,
Что радовало душу иль томило?
...Потомки не простят, коль мы умрем,
Не рассказав о том, что свято было.

НОСТАЛЬГИЯ

Я помню плац и утренний развод,
И зычный голос нашего комбата;
И ровный строй лихих курсантских рот;
И ветер голубое знамя рвет...
Как после – всю Россию – демократы.

Я даже слышу: Батальон! Равня-яйсь!
И, как тогда, опять гляжу на знамя,
И вижу крыльев золотую вязь...
Душа ликует, с крыльями сроднясь,
И мерзлый плац не чует под ногами.

Восьмая рота. Где она теперь?!
Четвертый взвод... Все живы ли, ребята?
В казарме, может быть, все та же дверь, –
В нее входили: Минск, Челябинск, Тверь...
Ну, в общем, весь Союз входил когда-то.

Храню я лица в памяти моей...
Четвертый взвод... совсем простые лица.
Их не сотрешь, – тот строй лихих парней,
Где командир наш взводный во главе...
И буква «К» все так же золотится.



ТОПОЛИНОЕ БРАТСТВО

На горе усталый вид деревни.
Под горой озера и луга.
Стройный тополь, словно стражник верный
Смотрит на речные берега.

Помнит он, когда гудело рядом
(Это было не совсем давно),
Днем и ночью жило по нарядам
И по трудодням «Заготзерно».

Говорят: природа неразумна
И на нас, людей, ей наплевать,
Но... когда развал пошел бездумный,
Тополь стал хиреть и засыхать.

Ветви без коры, как без кольчуги
Сохнут с каждым годом все быстрее.
Всё терпел он – и жару, и вьюги,
Видя труд, нелегкий труд людей.

Сколько лет еще, – никто не знает –
Мог бы он цвести и молодеть...
Стройный тополь молча умирает
В том краю, где только жить да петь.

СТАРУХА

Иконочку достав из сундука,
Старуха чуть заметно улыбнулась.
Протерла Образ кончиком платка.
И – долго вспоминала свою юность.

Тогда еще, в двадцатых-то годах,
Ходили в Верхотурье богомолки
Тобольским трактом, в кожаных черках;
По месяцу ходили, путь был долгий.

А тятя на дорогу посылал
Дитяток всех своих с краюхой хлеба.
Он шибко богомольных привечал...
И на войне он ранен даже не был.

Припомнила, как Пашка-хромоног
Кнутом полосовал ее на поле,
Но не забрал с колосьями мешок...
Бог так велел, наверное, ли чо ли...

В артели лес возили на быках, –
Война была, коней-то не хватало.
А нынче возят все на тракторах...
...Вздыхнула, будто с кем-то попрощалась.

Поплакать бы о старом, пореветь...
Рука к платку невольно потянулась.
Но снова Образок давай тереть,
Перекрестилась, молча улыбнулась.



ПАМЯТИ Н. РУБЦОВА

Хотелось молвить: Боже, упокой!..
Когда читал страницу за страницей.
Но чувствовал – не мертвый он, живой
Поэт Рубцов, отвергнутый Столицей.

«Вот желтый куст...» – пытаюсь заучить,
Вот дальше вижу лодку «...кверху днищем».
Да это ведь о том, что нам не плыть, –
Не надо плыть туда, где злоба свищет.

А вот строка: «...забытое в грязи...» –
О колесе тележном с сожаленьем.
О чём же пел ты, песенник Руси? –
Дряхлеет память с каждым поколеньем.

Но если слово на душу легло,
То время над душой уже не властно.
Со словом нам, ей-богу, повезло, –
Вся русская земля к стихам причастна.

ПОЭТ

Слова ложатся на листок,
Как тихий дождь на землю ночью.
В глубоком сне весь хуторок, –
Об этом тоже, между строчек.

Призвав на помощь алфавит
И вдохновения огниво,
Поэт наш праведный не спит,
Не спит, творит святое диво.

В нем просто все, не мудрено.
На огороде лук с укропом...
Еще есть домик, где окно,
А в нем вся Русь, но... без Европы.



* * *

Не спит поэт. И свод небесный
Склонился над его душой.
А за стеною мир прелестный
Огнями спорит с темнотою.
Там дикий рев магнитофонов –
То не бесовский ли кураж?..
Не спит поэт. Перед иконой
Уста глаголют – «Отче наш...»
Душа словам молитвы внемлет,
Глаза полны печальных слез.
Быть может, он один из древних
Певцов молитв и райских грез.
Слова божественно премудры:
«Да придет Царствие Твое...»
Уже седыми стали кудри,
Идет к кончине житие...
Но дух, овеванный любовью,
Желаньем Вечное познать,
Молебный стих свой пишет с болью,
Чтоб чью-то боль в себя принять.

* * *

*Ищу тишины и безлюдий,
Питаюсь одною отравой.*

А. Блок

Извечная жажда поэта, —
Хоть каплю, хоть миг тишины...
Да где уж там... песни планеты
И звездам, пожалуй, слышны.

О, если б Свиридов иль Глинка,
А то ведь такое поют!..
Бежать бы поэту в глубинку, —
Да только и там достают.

Невольню глотая отраву,
Сжимая свой дух до нуля,
Он пишет — про Доблесть и Славу.
И... крепнет родная земля.



НАЧИНАЮЩЕМУ

Если слово с Отчизной твоё не срослось;
Если ближнего боль твоё сердце не ранит;
Если радость других порождает лишь злость,
То в поэты тебе, милый друг, еще рано.

Пусть ты чей-то прилежный в делах ученик,
И красивые рифмы рука твоя множит,
Но в душе не журчит твоей райский родник,
То и зваться поэтом покуда не можно.

Ты, конечно, ведь слушать не хочешь меня.
И напрасно, мой друг, совершенно напрасно.
Мне сказала об этом сегодня заря,
А поэзия с ней абсолютно согласна.

* * *

Бывают дни и у поэта,
Когда не хочется любить
Весь белый свет, друзей, соседа...
И душу некому излить.

Всяк встречный кажется бездушным,
В путь не зовет церковный звон.
Случайным веяньям послушный,
Куда бредет – не знает он.

«Высоких» дум многоголосье
Благим намереньям претит.
И даже «пушкинская» осень
Ничем его не вдохновит.

Чуть согревает память детства
Живые жилинки души...
Но давит мысль: с холодным сердцем
Поэт – лишь грамотный мужик.

И сколь не тягостно сомненье
В пределах видимых высот...
Он вдруг поймет: без Бога гений –
Лишь гениальный стихоплет.

* * *

Я часто спрашивал себя:
Неужто в мире все так лживо?..
Не лжет лишь смерть, свой срок тая,
Её не спросишь – чин служивый.

Искал, кого о том спросить,
И долго мыкался в потемках.
А ложь мою давила жизнь,
Как тьма заблудшего ягненка.

Богатых видел, с нищим пил...
И тут, и там неправды вдосталь.
Но видел Бог, Он мне простил
Мое беспутное юродство.

Земля, что ложью я сквернил,
Отцовской плакалась могилой.
И я пошел, и Бог крестил
Мои слабеющие силы.

И ложь предстала ложью мне,
И правда сотворилась правдой.
И Свет увидел – не в окне,
И я назвал Его Отрадой...

МОЛИТВА СТАРЦА

Он долго сокрушался о грехах
И в немощи его рождалась сила.
Весь мир увидел в миг, как тленный прах,
И бездна ада грешникам кадила.
Огонь! Везде, вокруг один огонь!..
Горят тела и души – не сгорая...
Все стоны грешников слились в единый стон!..
Затворены для них ворота рая.
... Над пламенем спасенные идут
И Богу Слову славу воспевают!
Свершился справедливый Страшный суд.
«Осанна в Вышних...», – верные взывают.
... И слезы старца падали на грудь –
Безмолвные, молитвенные слезы.
«О, Боже! Потерпи еще чуть-чуть,
Покается родная Русь, быть может...»

ПАМЯТИ УБИЕННЫХ МОНАХОВ

(Монастырь Оптиная пустынь, 1993 г.)

Поэт монашеских обетов,
Творец молитвы, златоуст.
Твоя намоленная лепта....
Моя непознанная грусть..
Храня в себе обет небесный,
Себя смирив до нищеты,
Ты шел, как в ад, в сей мир прелестный,
Помочь другим нести кресты.
И сам, порой изнемогая,
Всегда желал лишь одного –
Чтоб умереть, прожив сгорая
Ради Христа, у ног Его!
Скорбит смиренная Обитель,
Под звон молитвенно скорбит.
Убит монах! О, Вседержитель!
Убит Твой искренний пиит.
И звонари убиты... Боже!
В тот день Трофим и Ферапонт...
Зло успокоиться не может, –
Кровь чернецов невинных льет.

Десяток лет... сильны ли сроки
В сердцах печаль о них унять.
Но чудеса уж пишут строки,
И славят люди благодать.
И капли слез по всей России
Стекают в Божию реку.
«Молись о нас, святой Василий,
Там, на Небесном берегу».

Взглянуть бы мне, собрав все силы,
Через поля, леса, зарю,
Забыв про город говорливый,
Туда, где Ангелы поют,
Где светозарные равнины
И златотканны небеса.
Где просто все и объяснимо,
И не нужны там чудеса.
Там нет нелепых многословий,
Нет страха там и горьких слез.
И на Божественном престоле
Всем правит Любящий Христос.
Он, Сам – Садовник райских кущей,
Он, Сам – Творец прохладных рек.
И под десницей всемогущей
Никто не слышит слово «грех».
Ничто покоя не тревожит,
Покоя праведных святых...
Там невозможное возможно,
Там все свои и нет чужих...
Взглянуть, хоть краешком бы глаза
Из-под руки, как пилигрим,
Допрежь назначенного часа...
Но... дерзок я, неисправим.

ПАМЯТЬ В ОПТИНСКОМ СКИТУ

Покроет ночь смиренную обитель,
Вороны улетят подальше в лес...
Святой Амвросий, кроткий Небожитель,
Сойдет в «хибарку» с ангельских небес.
Свет из окна вдруг озарит поляну,
Колодец с чудотворною водой...
Замрет природа в свете первозданном,
Залает пес за Жиздрою-рекой.
Святой невидимо, блаженно-молчаливый,
Весь монастырь рукой благословит.
Уймется пес, на злобу не ленивый,
Прольет слезу заезжий в скит пиит...
Келейники в молитвенных поклонах
Глаз не сомкнут до самого утра.
Святые лики на святых иконах
Монахов слезы станут собирать.
За грешный мир молитвенные слезы,
За всех и вся, живых и не живых.
За беленькие русские березы...
За этот неприкаянный мой стих.

На завалинке плакало горе,
Заливалось горькой слезой.
И рябины в вечернем уборе,
Сожалая, качали листвою.

А напротив – уютненький домик.
Пьяный хохот, изба ходуном.
Ветер ветки черемухи клонит
В затворенное глухо окно.

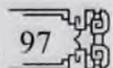
Плачь не плачь, но такая уж доля
Горю горькому, видно, вовек.
Побрело вдоль пруда да по полю,
К утешенью под кров, на ночлег.

Ночь в испуге среди изб заметалась.
Псы почуяли дымный угар.
Старушонка в окне показалась:
«Дед, вставай поскорее, пожар!..»

Стук дверей, перепуганы лица.
Вой сирен. Обгорелые пни...
– Слышь, сгоревший успел покреститься?
– Да не знаю, иди отдохни.

– И уж много он пил, окаянный,
А вчера мать из дому прогнал...
– Как прогнал? Чо и бил постоянно?..
– Вот за это и Бог покарал...

Занавесила бабка окошко,
К образам положила Псалтирь...
Снова вечер. Затихла дорожка,
Что на гору ведет, в монастырь...



* * *

Дни одинаковы, как спички
В простом бумажном коробке:
Все те же старые привычки,
Червонец мятый в кошельке...

С такими мыслями не надо,
Пожалуй, братья за перо...
Под вечер вышел за ограду, –
Трава пожухла у ворот.

На старом пне сидит ворона, –
Ее я вижу сотый раз.
Сидит и на меня нескромно
Таращит свой вороный глаз.

Я перемены в ней не вижу,
Все та же серость... ну, а мне,
Мне солнце светит из-за крыши
И... этой серой, что на пне.

ВЕЧЕР

День осенний скоро отойдет.
Вечереет. Затихают звуки.
Пролетел по небу самолет,
Словно символ встречи и разлуки.

Я хотел махнуть ему пером,
Только мне виденье помешало...
За деревней огненный проем, –
Это солнце меж ветвей застряло.

Я стою. В избу не уйду.
Есть над чем задуматься на свете...
На светило, как на жизнь, гляжу,
На свою, застрявшую меж веток.



* * *

Слушаю, как снег на солнце тает,
Сам себе бормочет про весну.
Рад и я. Зима была такая....
Думал – до весны не дотяну.

По теплу найти работу легче.
Потому и радуюсь весне.
Подряжусь на дачах ладить печки,
Ремесло печное люблю мне.

Тихо там, на дачах, и все небо
Над тобой, как чистая душа.
... Тает снег. Пора идти по вербы.
Тут за них не платишь ни гроша.

* * *

Борода, как лесистый склон,
Не чужая, моя борода.
Я прижился среди сосен,
Здесь избу срубил навсегда.

И на что мне ложенный вид, —
Лес и так узнаёт меня,
Он ведь тоже совсем не брит.
Мы с тайгою давно родня.

Лес, как сказка, — ну чем не Рай?!
Чуешь что? — скажи, борода...
Нам нельзя зазря умирать,
За Отчизну! — Вот это да!

* * *

Темно в квартире, лишь на кухне свет.
Час ночи, но не хочется ложиться.
Вдруг вспомнил песню отзвучавших лет,
Хотя пора бы ей уже забыться.

Спел про себя тихонько, как тогда,
Оконные слегка раздёрнув шторы.
Где юности друзья, где те года?
Куда ни глянь, – кругом одни заборы.

Звезда в окне, как горькая слеза.
А песня все настойчивей и звонче –
«Прощай, со всех вокзалов поезда...»
И слышен стук колес мне среди ночи.

Чрез сотни километров я кричу:
Друг, Сашка, спой, что сердце не забыло!
И я на скором поезде примчусь,
Чтоб... помолчать над Васиной могилой.

РЕЦЕНЗИЯ

Когда рифмуют Родину с уродиной...
Душа моя склоняется – прости!
Прости мой дом, родителем построенный,
Что не сумел, не смог тебя спасти.

Прости сирень, посаженная бабушкой, –
Не защитил цветение твое.
За огородом поле, все до камушка,
Прости, что не сберег твое жнивье.

Душа моя на травах распластается,
Слезу с росой смешает на заре.
И Родина моя вот так же мается,
Когда уроды ходят по земле.

* * *

Могильной тайны ожиданье
Тревожит ум в который раз.
К чему нелепые мечтанья
И – «не пришел еще мой час»?..

Как ни крути, не быть иначе, –
Про «тот» не зря судачат свет...
Опять у гроба кто-то плачет,
«Оттуда» требуя ответ.

И кто-то скажет – все «там» будем...
Никто не спросит – где же «там»...
И помолчат угрюмо люди,
Вверяя мысли к Небесам.

* * *

Думал думу я, да великую
О всея моей, о святой Руси.
Долго в даль глядел многоликую
И молил Христа – не оставь, спаси!

И звенела медь под ударами, –
Это колокол зазывал народ.
Отзовитесь, эй, за амбарами!
Есть тут Божии, или ж всякий сброд?..

Во грехах живем!.. Эх, убогие!
Тщетою хвалимся, зло вменяем в честь,
Знать оглохли мы, суть двуногие,
Звон не слышен нам, хоть и уши есть.

И рвались в руках моих вервии.
Пост Великий был. Покаянный звон.
– Преподобный отче наш Сергие,
Положи о нас хоть один поклон.

Всех святых молил – заступитесь!..
И звонил, разрыв завязав узлом.
Звон надрывный был – за-блу-ди-лися!..
Заблудились мы, – вот и весь псалом.

* * *

Еще не поздно, господа,
Идти сквозь бури и невзгоды,
Сквозь города и холода,
Через неправду, боль – туда,
Где Вечность выше небосвода.
Где сонмы Ангелов поют
И Лик Марии Девы чистый...
Наш путь «туда» был начат тут,
Где люди русские живут,
А Млечный Путь – и тот тернистый.
Еще не поздно, господа.

* * *

Думы о смерти, об аде и рае...
(Это уже не стихи).

Видится мне, будто я умираю,
В пропасть лечу за грехи.

В пропасть, воспетую русским гусаром,
В бездну, где нету любви,
Душу несут в исполнение кары
Падшие духи земли.

Дальше подумать страшусь и не смею,
Только встряхну головой.
Выйду из дома, где воздух свежее;
Тучи летят над землей.

Темные тучи, их ветер холодный
Гонит куда-то на юг.
Даже на небе они не свободны,
Птицы им вслед не поют.

ПРОЩАЙ...

Поставлен крест.
Последний отдан долг.
Храни, земля, покой любимой всеми
вдали от всех неправедных дорог,
вдали от страшных бурь
и потрясений.
Здесь много слов не надо говорить.
Моление любое здесь зачтется.
О, как же, Таня,
Ты хотела жить!..
И жизнь тебе навечно отдается.
Прощай, Татьяна!
В Вечной Вышине
твой звонкий голос всюду будет слышен.
Мы память не порушим на земле,
покуда видим Свет,
покуда дышим.

* * *

Очень часто думаю о жизни:
О себе, о русском мужике,
О своей талантливой Отчизне,
И о том, что ждет нас вдалеке.

Без тоски о прошлом, без печали
Самому себя мне не понять.
Не понять – зачем еще в начале
Русь святою стали называть.

То, что впереди не интересно,
Если дух Отечества забыт.
И скрепить хотелось связью тесной
Пушкина с Рубцовым в монолит.

В монолит не тающей надежды,
Глядя вдаль неведомых времен,
Что и там все будет, как и прежде –
Русь не сможет без святых имен.



* * *

До сих пор в ушах еще дрожит
Эхом кумачовая кафизма:
«Мы идем к победе коммунизма!»
... А пришли к спасению души.

СЛУЧАЙ В ГОРОДЕ

Ночью может все случится, –
Нрав у города суров.
Леньке надо похмелиться,
Он идет среди домов
На знакомую, «на хату»,
Жмет в кармане четвертак.
А в общаге ждут ребята, –
Не друзья, а просто так.
Вдруг «УАЗик» синеглазый
Тормозами завизжал...
Не с похмелья б, Ленька б сразу
«Ход конем» и убежал.
Два мента «оперативно»
Подскочили... крик – стоять!
И карманы инстинктивно
Враз успели обшманать.
Ленька сразу-то не понял,
Что он цел и невредим.
А менты, как ветер в поле,
Выхлопной клубится дым.

2

Время было озорное –
Развитой социализм.
Поневоле, иль по воле
Ленька сбил свой оптимизм.
И потом, чуть оклемавшись,
Вспомнил песни у костров...
Не совсем же он пропащий
Слесарь Ленька Русаков.

Ночи три не спал, кумекал,
Письма матери читал.
И решил быть человеком,
С прошлым напрочь завязал.
Но чего-то не хватало,
А чего? Не мог понять.
И, подумав, вдруг сказал он:
«Надо в церкви побывать».
Он и в Храме ведь ни разу
Не был в жизни-то своей.
Слышал только по рассказам,
Что там много жгут свечей.
Съездил раз, другой и третий,
Обо всем, про все узнал.
(Видел я, как прошлым летом
Он на исповедь стоял).
Ну и Ленька! Грешный ухарь,
А смотри-ка, стал каков?!
Слышу – молится в ползвука
За себя и... за ментов.

Один несчастный твердо верил
В прогресс, науку, в новый век.
Гордился тем, что в этом мире
Он не последний человек.
Любил себя, жену, машину
И шел по жизни не спеша.
О чем-то вечном, благочинном
Его не маялась душа.
Но вдруг неясное сомненье
В душе проснулось. Отчего?
Он слышит звон. Он слышит пенье
И звон зовет, зовет его.
И память разом оживилась:
Он вспомнил Церковь на селе,
Как мать пред Образом крестилась,
Свечу в руке ее, елей...
Он вспомнил белые березы,
Три липы старые, погост...
И потекли беззвучно слезы,
Как сок весною из берез.



ВЕЩИЙ СОН

Бабка жила-доживала
Свой неоконченный век.
Кроме трудов и не знала,
Чем еще жив человек.
Старый барак, да сарайка,
Да для коровы жильё,
Да почерневшая банька, —
Вот все богатство ее.
Нет ни подруг, ни соседей.
Дед уже умер давно.
Солнце лишь раннее светит
Через двойное окно.
Рядом завод за дорогой.
Грохот от сильных машин.
Бабка вздохнет у порога, —
Ладно, хоть есть магазин.
Хлеба и соли в достатке,
Спичек купила вчера...
«Что еще надо мне, бабке?..
Мне умирать уж пора».

2

Речка Заринка покрылась
Тоненьким первым ледком.
Бабке же молодость снилась,
Снился ей старый паром.
По комсомольской путевке
Вез их паром через Обь.
Дед молодой был и ловкий,
Жил и любил он взахлеб.

Снится на том он пароме,
Только какой-то чудной, –
В белой рубаше знакомой
Тихо стоит со свечой.
Утром гадают старуха, –
К счастью тот сон, или нет?..
«Время покажет, Катюха», –
Прежде говаривал дед.
Надо в то верить, не надо...
Или забыть навсегда?
... А на столбе у ограды
Срезали все провода.
– За неуплату, – сказали
Ей мастера обрезать.
Снов они бабки не знали,
Да и не надо им знать.
Старый барак почерневший
Трудно видать в темноте.
В звезды уткнувшись, скворечник
Спит на высоком шесте.

БУНТАРСКОЕ

Вновь работа не из легких,
А зарплата, как слеза.
Снова вьют из нас веревки,
Снова плачут небеса.

И дошли уж до того мы,
До греховного конца,
Что Емельку Пугачева
Рады встретить у крыльца.

С ним бы встали мы, как братья,
Под бунтарское копье
И пошла бы рать за ратью
Бить все подлое ворье.

Но Емелька не приходит,
И, наверно, не придет...

По деревне кто-то бродит,
Кто-то тут еще живет...

О ПРОКЛЯТЬЕ

Стареет мир. Грубеет слово.
Земля в морщинах бытия.
Стихия буйствует. И – снова
Хоронит мать свое дитя.

О чем мечтал он в эшелоне,
Когда десантный батальон
Из той афганской дикой бойни
Спешил домой... разоружен.

Уже летели телеграммы
В деревни, села, города:
Встречайте, едем, папы, мамы,
В Россию едем, навсегда...

В двух километрах от границы
Крупнокалиберная смерть
Достигла их. Уже не снится
Им дом родной, черемух цвет...

Какой душе послать проклятье?...
Но мать, на то она и мать, –
Она умеет только плакать
И не умеет проклинять.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ГОЛУБЧИКОВА

Я номер телефона набирал
С волнением и тайною надеждой.
Я голос друга сразу бы узнал,
И он узнал бы голос мой, как прежде.

Но нет его, – я слышу – друга нет!
Единственного искреннего друга...
Его улыбку с тех курсантских лет
Носил я вместе с ромбиком «ТАГУТ ГА».

Аэродромы разлучили нас.
Да надо ль говорить теперь об этом, –
Оправдывать забывчивость сейчас,
Когда его на свете больше нету.

Он от болезни умер, может быть,
Как многие – обыденно и просто.
Да примет Небо (с ним хотел он жить),
Взлетевшего... с плачевного погоста.

Высь Аннушки крестами бороздят,
Но крест ему уже не давит плечи.
О, как он, Господи, любил летать!..
Последний взлет благослови, диспетчер.

У МОГИЛЫ

Плачет мать, отец не в силах
Слез скупых своих таить.
Умер сын. Свежа могила,
А ведь мог бы жить да жить.

Тихий, ласковый, пригожий...
Он ведь был один у нас.
Почему, скажи нам, Боже,
Огонечек наш погас?..

Мы его от бед хранили.
Боже! В чем он виноват?!
От присяги откупили, –
Ну, какой он там солдат.

Все ему – живи, сыночек,
Только «травку» не кури...
Мама комкает платочек.
...Бог не хочет говорить.



ПУРГА

Днем у дверей магазина
Нищенка просит на хлеб
С малым дитем на руке...
Мужа тайга схоронила.

Северный город не спит,
Северный город в разгуле.
«День Валентина!» – шумит
Девочек разнузданных улей.

Город пурга замечает.
Горе пурга сторожит.
В сытые лица глядит
Нищенка, слезы глотая.

Через толпу и пургу
Тянет младенец ручонки
К Небу... А люди бегут
Мимо, в заморских дублинках.

НЕУЗНАВАЕМЫЙ ТОЛПОЙ

В толпе, по-модному не скромной,
Идет обычный человек.
Он не в лохмотьях, не бездомный...
Идет, не поднимая век.
К мирским забавам не причастный,
Тая от всех тепло души,
Он с виду, кажется несчастным –
Догнать эпоху не спешит.
И в толчее, порой бесстыдной,
Не ищет правды от людей.
Простите – скажет безобидно,
Когда толкают у дверей.
Он не больной, не слабовольный,
За правду в силах постоять.
Но – дух свободы самовольной
Неправду правдой начал звать.
Толпа, послушливая «року»,
Свою убогость не клянет, –
Все те же идолы и боги,
Все тот же низменный полет.
А он идет совсем невинный,
Неузнаваемый толпой...
И путь Его совсем не длинный,
Тернистый путь Его, прямой...

Говорят, что истина в вине, –
Кто на русском, кто-то на латыни.
Два бомжа в засаленном рванье
Возле церкви, сидя на земле,
Два часа «на истину» просили.

Кто-то – сердобольный – подавал,
Кто-то отворачивался строго.
Пенсионный дед их обозвал
Трутнями и в Храм подался, к Богу.

Подошел один, немолодой,
С виду крепкий и одет по моде,
Но в карманах – ветер полевой.
Одному сказал он, – брат родной,
Ты прости, виновен я, как вроде.

Я помочь деньгами не могу:
Сам на днях остался без работы.
Дай тебя хоть, брат мой, обниму,
Праздник ведь, Пасхальная суббота!

* * *

Радио тешит людей,
Совесьть распятую душит.
В брызгах рекламных огней
Тонут «цивильные» души.

Некому руку подать, –
Нету взывающих стонов.
Хочется горько рыдать –
Русские люди ведь тонут!

ЦВЕТМЕТ

Где-то там, далеко – Ватикан
О крестовых походах мечтает.
А у нас грешный люд по ночам
Весь цветмет с теплотрассы сдирает.

Ватикану всегда хорошо
И тепло, и светло, и уютно...
А у нас снег в июне пошел,
Все под небом неясно и смутно.

Нам, видать, без беды – никуда.
Хоронили недавно «наркошу»,
Жалко парня, он лег навсегда
На «кайфовое» смертное ложе.

И цветмет уж не снится ему,
Никакой Ватикан не поможет...
Мать платка теребит бахрому,
Горе давит тяжелою ношей.

Ностальгию по «небу в клеточку»
Он в себе победить не смог.
Снова мать со слезою восточку
Шлет ему за тюремный порог.

«Я прощаю, сынок мой Ванечка...
Да и ты «этих всех» прости.
Напекла вот блинов да шанежек,
В зону кум обещал свезти.

Я совсем уж худая, старая,
Не дождуся, видать, тебя.
Мотоцикл заперла в амбаре я,
Коль помру, возьмут кумовья.

Мишка, тот, что лонесь все спрашивал:
Мотоцикл, мол, твой продать.
Помер нынче. Мне кум рассказывал...
Не могли его откачать.

У соседа купить бы шерсти, что ль,
Да носочки тебе связать,
Но опять заболели плечи-то,
Веретешко нет сил держать.

Тут попы приезжали давеча,
Да крестили народ в избе.
Образок я купила, Ванечка,
Посылаю его тебе...

* * *

Есть и добрые, есть не очень,
Есть совсем бездушные люди.
Время лучших дней не пророчит,
Да и вряд ли пророчить будет.

Может, тех, кто в душе хороший,
Станет больше на белом свете?
Или ж выгода все порушит?
Время знает. Но не ответит.

И зачем нам сегодня надо
Узнавать, что там после будет?..
Умножайте добро хоть взглядом!
И не надо пророчить, люди.

РЕЗЮМЕ

Почти как полярный волк
Живу одиноко и скучно.
Таежной земли уголок
Моими шагами озвучен.

Копая, пашу свой клин
И семя бросаю в землю.
И... все-таки, я не один,
Я сердцем всю Русь приемлю.



ПРО ДРАКОНА

Вот летит желтокрылый дракон,
А под ним – где леса, где болота,
Где-то слышится звон, где-то стон...
Только слушать ему неохота.
У него есть дела поважней –
У драконов такая природа:
Жить не могут они без идей,
Без идей сумасбродного рода.
Лет так триста хотелось ему
В желтый цвет все вокруг перекрасить.
Не сказать, что он жил по уму,
По уму можно ль все безобразить.
И вот вырвался он, наконец:
Подкопил и купил, что хотелось:
Три телеги продажных сердец:
Стал он сильным теперь, стал он смелым.
И от крыльев неясная тень
Заслонять стала светлые дали.
Все под ним начинало желтеть, –
Сохли травы, леса увядали.
Пожелтела всей твари краса,
Люди сделались желтыми тоже
И сквозь желтый эфир небеса
Стали будто совсем, как не Божьи.
Никого не страшит новизна.
Даже многие хвалят дракона,
Мол, природа смениться должна
По драконьим, по новым законам.
И куда уж там – витязей звать,
Чтоб пошли на смертельную сечу.
Если рать вся пошла торговать,
Да ни чем-то – душой человечесьей!

* * *

Хочется верить, надеяться, петь
Песни простые, святые...
Только на вид свой нет мочи глядеть, —
Зубы, и те покупные.

Только нет мочи... да что это я
Хнычу, как скверная баба.
Глянул в окно, а по небу летят
Клином — хореи, да ямбы.

Попотев, сложил я в доме печку
 Из каленых добрых кирпичей.
 Окропил, поставил Богу свечку,
 Чтоб домашний хлеб был посытней.

Пусть порой чадит и не без сажи...
 Только мне без печки – никуда.
 Испокон так жили деды наши,
 Ну, а русский век – он навсегда.

* * *

Бесполезно просить у судьбы,
Чтобы легкие крылья носили.
Ты срубил оклада для избы, –
Потрудись, чтоб они не подгнили.

Посыпая тропинки песком,
Ты пугаешься скользкой дороги.
Этот труд очень многим знаком,
Ты трудись, – мы ведь люди, не боги.

А когда ты прольешь сто потов;
Онемее душа от бессилья, –
Подними взор до звездных миров, –
Где-то там они, легкие крылья.



* * *

Я слово к слову прибавлял
Рукой, пропитанной мазутом.
Не проклинал – благословлял
Весь мир одетый и обутый.

И понемногу прозревал,
И тайна жизни открывалась.
Совсем не так, как я желал,
Совсем не так, как мне мечталось.

И это все куда девать,
Какие вехи подытожить?
Нельзя, нельзя толпе давать,
Что ею попрано быть может.

Я стал угрюмым и скупым,
Не раздавал слова задаром.
А только ближним, суть своим,
Читал стихи без гонорара.

О, тайна жизни, – тайна тайн!
К твоим вратам ключи у смерти.
Из Вечной чаши фимиам
Течет в неведомые клетки.

* * *

Душе хотелось праздника, тепла,
Подняться до высот свободы духа.
А за окном метелица мела, —
Нелетная погода-завируха.

Стучала, ветром сорванная, жесьь,
И было лень сходить ее поправить.
Вот так оно всегда у нас и есть:
Захочешь в небо, — лень к земле придавит.



* * *

Думал о свободе и о воле,
И о том – побольше бы ума...
Нет, чтоб покорясь мужицкой доле,
Думать о посевах, о кормах...

Не мечтать о славе иль о сане.
О счастливом завтра не мечтать.
По субботам мыться в русской бане,
Вечера за чаем коротать...

Захотел всем этим поделиться
С мудрым другом, но не удалось.
Он под вечер в Храм ушел молиться,
С давних пор у нас так повелось.

Ну, а тут – нетопленная печка,
Во дворе сугробы намело.
Я с лопатой мудрствую весь вечер:
«Мне еще, наверно, повезло...».

* * *

Время сулило счастье
В поле, в строю, у станка...
К счастью хотелось мчаться,
Опережая века.

Были задор и смелость,
Вера была в сердцах...
Только куда все делось?! –
Тени реклам в глазах.

* * *

Мы жили от зарплаты до зарплаты,
Любили как умели коллектив.
Но век ушел кудрявых и патлатых,
Пришел другой, неведомо каких.

Березы за окном – они все те же.
Все те ж скворцы сидят на проводах.
Но только реже, с каждым днем все реже
Сияет взгляд приветливый в глазах.

И с той же недоверчивостью скрытой
Проходят люди мимо алтарей.
И сказка про разбитое корыто
Не в моде у «всезнающих» детей.

* * *

Я взглянул на небо осторожно,
А его, как будто бы и нет.
Есть оно, но зреть его не можно, –
Все пространство занял «Интернет».

Я сначала даже не поверил,
Небо-то огромное... ан, нет,
Интер-тучи, как большие звери,
Замутнили весь наш белый свет.

Где найти душе моей подмогу,
Я без неба тяжело дышу.
Помогите братья, ради Бога?!
– Ваш E-mail? – дальше не скажу.

УНЫНИЕ

Тяжело на душе, как с похмелья,
Будто пропито все до рубля.
Виноваты, быть может, метели
Или пасмурный день ноября.

У других все идет, как и надо.
Погляжу со двора – все путем.
Сколько раз выходил за ограду,
Но никто не заходит в мой дом.

Не ко времени кончились свечки
И лампадки погас огонек.
Хилый, хмурый сижу возле печки,
Провожая в трубу огонек.

Отошло бы скорей, отдымилло,
Что на сердце с годами легло...
Зря скребется нечистая сила, –
Дом не весь еще мой замело.

СОСЕДИ

Свое уныние он часто
Топил в посудине пивной.
Казалось мне, что он несчастен;
Он думал обо мне – больной.

Мы жили с ним почти что рядом,
Почти на равных этажах.
Но изменился строй, порядок...
Он тоже – прямо на глазах.

Теперь он рыночник богатый
И не заходит одолжить
Себе червонец до зарплаты,
И думает – умею жить.

А я все думаю, однако,
Своей больною головой,
Что лучше в будке жить с собакой,
Чем быть хозяином пивной.

* * *

Все надеюсь, может, счастье
Вдруг заявится ко мне.
А покуда – только страсти,
Только страсти в полутьме.

То захочется куда-то,
То куда-то не хочу;
То, как в Думе депутаты,
Благим матом закричу.

Говорят мне: жизнь прекрасна
И не надо так кричать;
На картошке с постным маслом
Можно праведником стать.

Счастье праведнику – чудо,
Прилетевшее с небес...
Жду, надеюсь... и покуда
Не гляжу на «Райсобес».

В РУССКОЙ ИЗБЕ

Нет места что ли для икон?
В углу Господь и все святые.
Спросил Христа. Изрек мне Он:
– Когда оставлю сей амвон,
Загонят в угол всю Россию.

* * *

Гляжу на Лик распятого Христа,
Ведь завтра Пасха, завтра Воскресенье!
А за окном густеет темнота
И хлещет снег по темени весенней.
Холодный, мокрый, слепит все окрест,
И люди долу головы склонили...
Христос воскреснет! Он уже воскрес!
Чтоб на кресте мы плечи распрямили.

* * *

Христос меновщиков прогнал из Храма,
Простой веревкой скопом всех изгнал.

Меня там не было, а то бы подсказал
Что делать с праотцами нео Хама.



* * *

Вот была «пятьдесят восьмая»,
Приснопамятная статья...
Или я не все понимаю, —
Отменили, быть может, зря.

В ней ведь, только, одно лишь слово
Кто-то вставить в статью забыл —
«Враг народа», — одно лишь слово,
Слово «русского» пропустил.

* * *

Европа – та везде преуспевает.
Куда ни глянь – везде ее рука.
Спросил я – почему? – у старика.
Ответил он, прищурившись слегка, –
Цыплят-то ведь по осени считают...
И все глядел, глядел за облака.

* * *

Позвонили, а я не открыл.
Постучали, а я не ответил.
Я ведь знаю, кто там приходил —
«Еговисты», безбожники эти.

И в другой не открою им раз,
Ишь повадились... елкины дранки,
И не надо обманывать нас,
Мы ведь тут не какие-то янки.

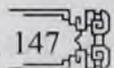
* * *

На остановке целый час
Машу уставшею рукою.
А «мерседесы» мимо мчат,
Хвалясь железною душою.

Гляжу на лица. За рулем
Свои, такие же славяне.
Но хмурюсь выцветшим лицом:
Остановитесь, россияне!

Вдруг заскрипели тормоза
– Садысь, тэтбэ дакуда надо?
Седой таджик. Как смоль глаза.
Свой помнит дедовский порядок.

Довез. – Спасибо! Сколь платить?
– Э, дарагой! Савсэм не надо...
И тут мне захотелось выть
За род славянский... ну да ладно.



* * *

Подумал я – все люди братья.
Еще подумал – нет, не все.
А тем, кто шлет на Русь проклятья,
Я и не брат, и не сосед.

Сосед за стенкой – не из НАТО.
Мы тихо, мирно с ним живем.
Он в бой за Русь, коль скажут – надо,
Готов пойти хоть с топором.

* * *

«Пророков нет в Отечестве своём», –
Да и нужны ль Отечеству пророки,
Когда в железных путах каждый дом?!
... А ночью бомж замерз возле дороги.

При свете фар неведомо куда
Машины мимо мчались, как ракеты.
А бомж замерз... никто не увидел.
... Вот потому пророков-то и нету.



ОЗОНОВАЯ ДЫРА

Долго талдычила пресса,
Что под Полярной звездой
Нету озона, а место
Это зовется дырой.
Нет там его и не надо.
Тут я не спал до утра,
Думал – зачем нам дыра?
Может, из райского сада
Это намек нам – пора?..

РОТОЗЕИ

Монастырь. Таинственный приют,
На табличке назван он музеем.
Не звонят давно здесь, не поют.
По дорожкам бродят ротозеи..

Новенький, в два роста, у стены
Колокол стоит, как сиротина.
Бьют часы на башне, знать, важны
Времени кому-то четвертины.

Тишина здесь утром, чистота, –
Интурист появится к обеду.
Красота таинственно свята, –
Радуется утреннему свету.

Но угрюмо что-то на душе.
Может быть, чего не доглядели,
Иль не для поэзии сюжет,
Где по Храму бродят ротозеи.

Вот строят Церковь ладно, хорошо,
Но нет задора, – это не Магнитка.
Задор в текущий век не перешел,
Сей новый век сказал о нём – ошибка.

Строители мякину не жуют,
Стараются ребята за валюту.
А после те, кто свечки здесь зажгут,
Все будут думать – как тут неуютно.

И многим будет боязно ступать
На пол, отполированный до жути.
Где ни одной слезинки не видать, –
Не на слезах Храм вырос, на валюте.

Конечно, говорю я не о том, –
Есть главные, значительные цели.
О пустяках уж как-нибудь потом,
Но... все же неуютно, в самом деле.

АРТИЛЛЕРИСТ

Он спился почти безнадежно.
Жена разлюбила его.
Такое теперь уже можно,
Когда за душой ничего.

Он даже не мог улыбаться,
Он просто об этом забыл.
Ночами вдруг стал просыпаться,
И спать дальше не было сил.

И сердце стучало набатом;
И память скребла изнутри;
И снова он видел комбата,
Который командовал: «Пли!»

Он слышал, как горы стонали
От каждого залпа: алл-ах...
О, память! Твои бы скрижали
Оставить в афганских горах.

Пружины скрипят у кровати.
В окошке смеется луна.
О, память! Нет сил уже! Хватит!..
...Уйди от меня, сатана!..

* * *

То каналья, то быдло,
То... какой-то там класс.
Как все это обидно, –
Скажем с глазу на глаз.

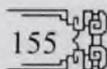
Можно, что ль, изгаляться
Над простым мужиком
Всякой нечисти, братцы?!
...Братцы в лавку, молчком...

ИСПОВЕДЬ

Он не был бомжом иль калекой.
Хотя непомерно был пьян,
Но все же он был человеком
(Забудем про русский изъян).

Ко мне, бородатому, шатко
Качаясь шагнул и сказал:
«Хочу исповедаться, батка...»
Но кончились силы, упал.

Он встанет, когда-нибудь встанет
И выйдет, я верю, на Свет.
Он вечно не может быть пьяным
Наш славный мужик – Пересвет.



БОМЖ

Вез автобус меня и мое невезенье,
И хотелось рыдать над своею судьбой.
Все надежды, мечты затенило сомненье.
Был на вид я угрюмый, а может быть, злой.

Что-то вспомнить пытался приятное сердцу;
То отрывки молитв, то беспечные дни.
Только сердцу в тот день не хотелось согреться,
Шевелилось уныние где-то внутри.

К остановке автобус подъехал и ... надо ж,
Бомж знакомый стоит и мне машет рукой.
Улыбается так... в общем, тут не расскажешь,
Я ни разу не видел улыбки такой.

Опираясь на трость, как на праведный посох,
Он стоит, не прося ни рубля, ни вина.
И сомнений моих столь мучительный ворох
Растворила его лишь улыбка одна.

Я ему помахал, словно символу века...
О, великий народ! Не согнешь, не убьешь
Ни чеченской войной, ни кончиною света!..
Если дарит улыбку отвергнутый бомж.

ЯДРЕННЫЕ ГУЖИ

Ты напиши когда-нибудь, Серега,
Про наше здесь колхозное житье.
А то умрем, и зарастет дорога,
Деревня наша порастет быльем.

О том, что пили... не пиши, не надо.
А лучше ты красиво расскажи,
Как, помнишь, пас за выгоном я стадо,
Чуть проглядел коров – они во ржи.

Эх, «схлопотать» бы мог я за потраву,
Да председатель умный был мужик.
Детей он пожалел моих, да Клаву.
... Она теперь вот лежкой лежит.

Таки дела... а ногу мне отняли,
Сказали, будто опухоль внутри...
А помнишь, как на праздниках плясали?!
Эх, время было! Что ни говори.

Какой ведь никакой, а был порядок,
А нынче что... ядреные гужи.
Строгою черенок вот за оградой, –
Невмоготу мне без работы жить.

Рябина нынче, видишь, как краснеет.
Теплынь стоит... ядреные гужи.
Побаше* там о нас да поумнее
Ты напиши, Серега, напиши.

*Побаше – (местн.) получше, покрасивее.

СВЕЧА

Догорает свеча у икон.
Спят на печке два серых котенка.
Я ж, подперши щеку кулаком,
Рассуждаю о жизни тихонько.

Вот, подумал я, годы прошли
И мечтать уже не о чем стало,
Разве что о двух метрах земли
Да чтоб речка вблизи протекала.

И с пригорка весь русский простор
Можно было окидывать взглядом,
Слушать трав полевых разговор –
Под негаснувшей звездной лампадой.

Догорает свеча у икон.
Слишком быстро она догорает.
...Здесь никто не услышит мой стон,
В закоулках безбожного рая.

Лайнер наш держит свой путь за Урал.
Солнце на западе село.
Книжку, что брал я в полет, – прочитал.
Ерзаю в кресле без дела.

Или гляжу в бортовое окно,
Мысли по небу витают.
Взгляд поднимаю туда, где темно, –
Бездна свой плат простирает.

Темная бездна над миром висит,
Краешек только чуть синий.
Лайнер уставший летит и летит
Ближе... к рассвету России.



ПОСЛЕСЛОВИЕ

Почему, не смотря на то, что современные люди ежедневно впитывают в себя огромные потоки информации (большой частью совершенно не нужной), имея достаточно высокие знания обо всем окружающем мире, многие (хотя далеко не все) все равно не перестают проявлять живой интерес к поэзии. Не потому ли (и я в этом твердо уверен), что симфония формы и содержания стиха возвышает душу человека над всеми житейскими заботами, страстями, проблемами, катаклизмами, делает жизнь «гомосапиенса» более человеческой, полноценней..

Беру в руки книгу русского мыслителя Ивана Ильина. Открываю почти наугад и сразу нахожу такое утверждение: «Мы, созерцающие поэты, уверены в том, что все, сущее на земле и на небе, может быть узрено или услышано нами и что все ждет от нас изображения и истолкования... Все, даже самое нежное и сокровенное...» Сказано кратко, просто и вроде бы все понятно, но все же, давайте попробуем порассуждать. «Созерцающие поэты» – что это означает? Или скажем по-другому – что значит быть созерцающим поэтом? Общеизвестный смысл слова созерцать – видеть, лицезреть. Но давайте копнем поглубже. Посмотрим, что говорит об этом В.И. Даль: «созерцать что – внимательно или продолжительно рассматривать, наблюдать, смотреть со смыслом, вникая, углубляясь в предмет, изучая его, любуясь им; вникать во что-либо мысленно, разумом, духом. Видеть остро, насквозь, проникать». Исходя из этого толкования можно вполне уверенно утверждать, что «созерцающий поэт» должен смотреть на весь окружающий мир не только очами телесными, но и духовными, «вникать... разумом, духом»: слышать не только двумя ушами, но и своим внутренним душевно-духовным чутьем (если таковое имеется). Задача эта неимоверно трудная, поскольку, прежде всего она заставляет впрягаться в работу над самим собой, очищать свой внутренний мир от разного ненужного мусора, привнесенного извне.

Мудрые святые отцы называют молитву искусством искусств.

Большинство литературоведов поэтическое творчество тоже представляют, как искусство и, наверное, несправедливо думать, что это искусство совсем иного порядка. Поэт молится своими стихами – говорит мыслитель Иван Ильин. И мы не можем с ним не согласиться. «Искусство» – мастерство, требующее большого умения и вкуса. «Искус» – опыт, проба, попытка, испытание, дознание на деле, соблазн, прельщение. Вся эта многогранность действий присутствует как в молитвенном подвиге, так и в поэтическом творчестве, в самом акте сотворения стиха. Как тут не изворачивайся, но мимо Бога не пройдешь. Не пройдешь мимо того, кто одному дает талант сердечной созерцательной молитвы, другому – талант быть созерцающим поэтом, дает... на временное пользование. Отсюда можно сделать вывод, что «созерцающий поэт» – это тот, кто всеми творческими силами своей души стремится приобрести хотя бы малую лепту на поэтическом поприще, за данный талант (ту же самую цель преследует и молящийся, только уровни духовного развития могут быть разными). Как нет старца, у которого не было бы духовных чад, так нет и поэта без читателя. Самым первым читателем всегда будет Тот, естественно, «Кто все знает и все видит, и все слышит», и... Он же, своей щедрой рукой, дарит вдохновение. Человек – существо само в себе не настолько совершенное, чтобы самого себя награждать даром вдохновения (и созерцания). Перед своим Творцом он всю жизнь стоит с протянутой рукой. Ну, что сделаешь, пока дают просящему, надо просить. Каждый духовный наставник стремится воспитать не себе угодных, но Богу; так же и поэт, истинный поэт, стремится обратить взоры своих читателей не на себя, а на Красоту неземную, нетварную, вечную; изображая и истолковывая все сущее на земле и на небе, все то, что было созерцательно узрено им (хотя и тот и другой используют для достижения цели вспомогательные средства

земные, рукотворные). Вот потому и не угасает в народе тот огонек, который согревает и поэтов, и читателей, огонек Непалимой Купины.

На этом, пожалуй, можно и закончить рассуждения. Остается только в дополнение вспомнить краткое наставление из письма Николая Васильевича Гоголя поэту Николаю Языкову: «Стыдно тратить лирическую силу в виде холостых выстрелов на воздух, тогда, как она дана тебе на то, чтобы взрывать камни и ворочать утесы. Оглянись вокруг: все теперь – предметы для лирического поэта; всяк человек требует лирического воззвания к нему, куды ни поворишься, видишь, что нужно или попрекнуть, или освежить кого-нибудь». Этот гениальный мудрый совет Н. В. Гоголя поэту не утратил духовно-нравственную, путеводную ценность и по сегодняшний день. А может, даже и более необходим сегодня каждому, кто посвятил свою жизнь поэтическому творчеству, или еще только собирается посвятить. Да поможет нам, Господь.

С почтением автор.

Содержание

«Буду молча бродить я порою осенней...»	4
Время.....	5
Мальчишеское счастье.....	6
Березовая память.....	7
«Увозит поезд от огней вокзальных...»	8
Край земли.....	9
«Встрепенули тишину озерную...»	10
«Осень... осень. Дождливая звонница...»	11
«Ветер высушил стебли осоки...»	12
Юность.....	13
Автограф	14
Род идет мой от тех, раскулаченных,	14
«Мне дудочки шутов не по нутру...»	15
«До сих пор я забыть не могу...»	16
Находка	17
«Мне вернуться б в детскую страну...»	18
Дорога	19
Деревенское	20
«Сосны за окном в лучах заката...»	21
Тихий свет в скиту Ветрово	22
«Клокочут реки на стремнинах...»	23
«Здесь, где заря над тайгою встает...»	24
«Эх, Серега, сколько же их было...»	25
«Соловьи распелись, стыдно слушать...»	26
«На заросшей травую полоске...»	27
«Придет весна. Живительная сила...»	28
«В лесу ночном и зябко и морозно...»	29
«Как много миль осталось за кормой...»	30
«Тревожит разум неба глубина...»	31
«Долго сижу у подножия кедра...»	32
О мудрости.....	33
«Почти как сказочный дурак...»	34
«Далеко где-то пляшут шаманы...»	35
О преданности.....	36
Встреча в деревне.....	37



«Поет, кричит, дурит толпа.....»	38
«Где вы, лебедушки наши,...»	39
Ночная встреча	40
«Я бродил по отмели песчаной...»	41
Душа	42
«Не опечалю я твою судьбу...»	43
В.Г.	44
Любимой женщине	45
«Все дальше и дальше на север...»	46
Этюд	47
В лесу перед грозой	48
Родные задворки.....	49
О жизни	50
«Ты уйди, назойливая память...»	51
Ретро	52
«Я с мужиками ел и пил...»	53
Пасха в деревне	54
Провидение.....	55
Облака	56
Окно.....	57
«Я отцовскую лодку с подгнившим бортом...»	58
«Старый ельник – лесной малахит...»	59
«То ли пыль в глазах, то ли свет закрыт...»	60
«Люблю покой старинных городов...»	61
Проездом в г. Тобольске	62
Из записной книжки	63
«В окруженье солнечных реалий...»	64
«Спросил людей, они не отвечали...»	65
«Вечная лира, спутница жизни...»	66
«Время не ждет. А как хочется много успеть...»	67
Сельские дороги.....	68
Закат	69
Косачи	70
Обская песнь.....	71
«Тебя величали – Ярило....»	72
«Небо – оно для души...»	73
Северное утро.....	74

У лазурных причалов.....	75
«Ветер ломает деревья...»	76
Факел.....	77
Придуманый дед	78
«Лампа настольная светит...»	79
«Осенней порою отрадной...»	80
Весна в Сургуте.....	81
«Мне не дано забыться в вещем сне...»	82
Ностальгия.....	83
Тополиное братство	84
Старуха.....	85
Памяти Н. Рубцова.....	86
Поэт	87
«Не спит поэт. И свод небесный...»	88
«Извечная жажда поэта...»	89
Начинающему.....	90
«Бывают дни и у поэта...»	91
«Я часто спрашивал себя...»	92
Молитва старца	93
Памяти убиенных монахов.....	94
«Взглянуть бы мне, собрав все силы...»	95
В Оптинском скиту	96
«На завалинке плакало горе...»	97
«Дни одинаковы, как спички...»	98
Вечер	99
«Слушаю, как снег на солнце тает...»	100
«Борода, как лесистый склон...»	101
«Темно в квартире, лишь на кухне свет...»	102
Рецензия.....	103
«Могильной тайны ожиданье...»	104
«Думал думу я, да великую...»	105
«Еще не поздно, господа...»	106
«Думы о смерти, об аде и рае.....»	107
Прощай.....	108
«Очень часто думаю о жизни...»	109
«До сих пор в ушах еще дрожит...»	110
Случай в городе.....	111



«Один несчастный твердо верил...»	113
Вещий сон	114
Бунтарское	116
О проклятье	117
Посвящается памяти Сергея Голубчикова.....	118
У могилы.....	119
Пурга	120
Неузнаваемый толпой.....	121
«Говорят, что истина в вине...»	122
«Радио тешит людей...»	123
Цветмет	124
«Ностальгию по «небу в клеточку...».....	125
«Есть и добрые, есть не очень...»	126
Резюме.....	127
Про дракона	128
«Хочется верить, надеяться, петь...»	129
«Попотев, сложил я в доме печку...»	130
«Бесполезно просить у судьбы...»	131
«Я слово к слову прибавлял...»	132
«Душе хотелось праздника, тепла...»	133
«Думал о свободе и о воле...»	134
«Время сулило счастье...»	135
«Мы жили от зарплаты до зарплаты...»	136
«Я взглянул на небо осторожно...»	137
Уныние	138
Соседи.....	139
«Все надеюсь, может, счастье...»	140
В русской избе	141
«Гляжу на Лик распятого Христа...»	142
«Христос меновщиков прогнал из Храма...»	143
«Вот была «пятьдесят восьмая»...»	144
«Европа, – та везде преуспевает...»	145
«Позвонили, а я не открыл...»	146
«На остановке целый час...»	147
«Подумал я – все люди братья...»	148
«Пророков нет в отечестве своём...»	149
Озоновая дыра.....	150

Ротозен	151
«Вот строят Церковь ладно, хорошо...»	152
Артиллерист	153
«То каналья, то быдло...»	154
Исповедь	155
Бомж	156
Ядреные гужи	157
Свеча.....	158
«Лайнер наш держит свой путь за Урал...»	159
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	160

Сергей Владимирович Абрамов
 ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ
 В двух томах
 Том 1
 Москва, 2014



*Библиотека газеты
«Тюмень литературная»*

Сергей Владимирович Абрамов

МГНОВЕНИЕ КРАСОТЫ

Сборник стихотворений

Редактор Н. В. Денисов

Компьютерная верстка К. А. Курициной

Корректор В. П. Бумагина

ISBN 978-5-7142-1445-5



9 785714 214455

Сдано в набор 21.08.2012 г. Подписано в печать 10.09.2012. Формат 84x108^{1/32}. Гарнитура «Таймс». Бумага ВХИ. Усл. печ. л. 8,82. Уч.-изд. л. 10,08. Тираж 300 экз. Заказ № 1175.

Издательство ОГУП «Шадринский Дом Печати», 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6.

Отпечатано в ОГУП «Шадринский Дом Печати» комитета по печати и средствам массовой информации Курганской обл., 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6, тел. 6-33-51.

